

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ ВЫПУСКНИКА: К 70-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ ХАЙЛАРСКОГО АРХИЕПИСКОПА ДИМИТРИЯ (ВОЗНЕСЕНСКОГО, 1871–1947)

Публикация посвящена 70-летию со дня кончины Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского), долгие годы руководившего работой одного из двух крупнейших высших церковных учебных учреждений русского рассеяния — богословского факультета Университета св. Владимира в г. Харбине, в Маньчжурии. Архиепископ Димитрий — автор многочисленных учебных пособий по Закону Божию и истории Церкви для средней и высшей школы, редактор церковно-общественных православных просветительных изданий, организатор борьбы с безбожием, церковный журналист.

В настоящей публикации републикуются два сочинения архиеп. Димитрия, изданные в ставшем библиографической редкостью эмигрантском журнале «Хлеб Небесный»: воспоминания о жизни студентов Московской духовной академии и слово при наречении во епископа. Оба этих текста ярко изображают научно-учебную атмосферу, царившую в одном из старейших учебных заведений России, и дают емкие характеристики старой академической профессуры.

Ключевые слова: архиепископ Димитрий (Вознесенский), митрополит Филарет (Вознесенский), Московская духовная академия, русская церковь в Харбине и в Маньчжурии, православное духовное образование в России и в эмиграции.

31 января 2017 г. исполнилось 70 лет со дня кончины Хайларского архиепископа Димитрия (в миру Николая Феодоровича Вознесенского), бесменного декана богословского факультета Института святого Владимира в Харбине и настоятеля местной Иверской церкви, перестоявшей китайский коммунизм и сохранившейся до наших дней почти без внешних повреждений. Архиепископ Димитрий ныне достаточно известен¹ в

¹ Подробнее о нем см.: Клементьев А. К. Димитрий (Вознесенский Н. Ф.), архиеп. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 74–77; Богданова Т. А., Клементьев А. К. Путь Хайларского святителя. (Очерк жизни и трудов протоиерея Николая Феодорови-

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

первую очередь как родной отец третьего первоиерарха (в 1964–1985 гг.) Русской Православной Церкви Заграницей Нью-Йоркского митрополита Филарета (в миру Георгия Николаевича Вознесенского) — самого известного и успешного из послевоенных борцов с советским, да и с любым безбожием, начисто отрицавшего, как и его отец (один из главных организаторов «Православной комиссии по Международной борьбе с безбожием»), даже теоретическую возможность сотрудничества Церкви с большевистским государством.

Следует отметить, что архиепископ Димитрий более четверти столетия оставался наиболее ярким и разносторонним церковным работником в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, где традиционный уклад жизни прежнего русского государства в целом сохранялся до окончания Второй мировой войны. При его деятельном участии было организовано несколько благотворительных учреждений, он создал и единолично редактировал журнал «Вера и жизнь», участвовал в составлении десятков номеров журнала «Хлеб Небесный» — самого безукоризненно-православного из всех периодических русских церковных изданий, выходивших в мире после катастрофы 1917 года, и сам помещал на его страницах многочисленные статьи.

Осенью 1946 г. владыка Димитрий отправился в советскую Россию, которой никогда прежде не видел — в Маньчжурию он уезжал весной 1920 г. из Благовещенска, где жил с 1909 г., а его сын Георгий, будущий митрополит Филарет, перебирался к отцу в Харбин уже из Благовещенска советского — в августе 1920 г., по окончании гимназического курса.

Согласно свидетельству единственного внука владыки Димитрия — Ю. Б. Виноградова, архиепископ привез с собою в Москву списки похищенных большевиками на станциях и в иных населенных пунктах по

ча Вознесенского, протоиерея городов Харькова, Благовещенска и Харбина, в монашестве Димитрия, архиепископа Хайларского, викария Харбинской епархии) // Православный путь. Jordanville, 2005. С. 7–90; *Они же. Хайларский святитель* // Вестник Германской епархии РПЦЗ. 2006: № 4. С. 24–27; № 6. С. 19–24; 2007. № 1–2. С. 19–22; № 3. С. 32–36; № 4. С. 16–18; *Они же. Путь Хайларского святителя* // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 37–38. СПб., 2009. С. 70–149. Здесь же помещены и «Материалы к указателю сочинений протоиерея Н. Ф. Вознесенского, с 1934 года епископа Хайларского Димитрия» (С. 141–142). На задней странице обложки этого выпуска епархиальных ведомостей приведена современная фотография могилы архиепископа Димитрия на фоне кладбищенского храма, позволяющая легко отыскать его захоронение.

линии КВЖД граждан с целью добиваться выяснения их судьбы. Списки эти были доставлены архиепископу с линии КВЖД после того как выяснилось его намерение ехать в советскую Россию.

Престарелый и тяжело больной архиепископ Димитрий, терявший голос из-за опухоли голосовых связок, выехал из Харбина в сопровождении своего келейника иеромонаха Иосифа (Павлова) 29 сентября 1946 г., 23 октября прибыл в Москву и вскоре перенес операцию, к нему вернулся голос, и уже на праздник Рождества Христова он мог служить, о чем сообщил в письме, переданном детям в Харбин.

Он намеревался вернуться к активной церковной работе и требовал назначения на вакантную кафедру, но вместо этого высказывались намерения об определении его или в Московскую духовную академию, или настоятелем стремительно приходившего в упадок Псково-Печерского монастыря. Назначение, однако, не состоялось, и из Москвы в Печоры архиепископа определили на покой. Некоторое время он прожил в Ленинграде и выехал в Печоры лишь 7 января 1947 г. Однако обострение другой давней болезни и явно неуклюжая попытка лечение в Ленинграде, куда 29 января 1947 г. поездом доставили из Печор умиравшего уже архиепископа, привели к его кончине два дня спустя в пользовавшейся крайне дурной репутацией «Больнице в память 25 Октября» (на набережной реки Фонтанки, дом № 158)², с чего, возможно, и берут начало устойчивые и в среде эмиграции, и в России слухи о том, что не скрывавший своих антисоветских убеждений несговорчивый архиерей был убит большевиками. Тщательная проверка многих сведений о последних месяцах жизни владыки Димитрия не позволяет этого определенно утверждать. Но очевидно другое — его просто не спешили лечить...

Могила архиепископа Димитрия на Большеохтинском Георгиевском кладбище в Петербурге (где он был погребен 2 февраля 1947 г. справа от кладбищенского Никольского храма и в полуметре от захоронения первого директора Императорского Царскосельского лицея В. Ф. Малиновского) сохранилась, хотя некоторое время и пребывала в забвении; ныне она имеет вид ухоженный и аккуратный.

² О последних днях жизни архиепископа Димитрия см.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Путь Хайларского святителя... С. 138–139. Здесь же воспроизведено свидетельство о смерти Н. Ф. Вознесенского.

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

Являясь руководителем и преподавателем богословского факультета, архиепископ Димитрий всячески подчеркивал его связь с прежними русскими высшими духовными школами, содействовал установлению общения с корпорацией далеко не всеми в эмиграции признававшегося Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, устроенного под руководством другого выпускника Московской академии — митрополита Евлогия (Георгиевского). Оставаясь в течение всей жизни благодарным любимой академии, которую он окончил в 1897 г. «со званием действительного студента и правом на получение степени кандидата богословия по представлении сочинения, заслуживающего сей степени»³, он не только вспоминал о ней на страницах «Хлеба небесного», но и подробно говорил о ее добром влиянии в слове при наречении его во епископа Хайларского. Оба текста воспроизводятся здесь по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением всех прочих авторских особенностей в написании отдельных слов.

Вступительные замечания и публикация А. К. Клементьева; примечания к публикации С. Ю. Акишина

Список литературы

1. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Путь Хайларского святителя (Очерк жизни и трудов протоиерея Николая Феодоровича Вознесенского, протоиерея городов Харькова, Благовещенска и Харбина, в монашестве Димитрия, архиепископа Хайларского, викария Харбинской епархии) // Православный путь. Jordanville, 2005. С. 7–90.
2. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Хайларский святитель // Вестник Германской епархии РПЦЗ. 2006: № 4. С. 24–27; № 6. С. 19–24; 2007. № 1–2. С. 19–22; № 3. С. 32–36; № 4. С. 16–18.
3. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Путь Хайларского святителя // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 37–38. СПб., 2009. С. 70–149.
4. Димитрий [Вознесенский], архим. Слово о[тца] архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского // Хлеб Небесный. 1934. № 7, 1–31 июля. С. 14–19.
5. Димитрий [Вознесенский], еп. Жизнь студенческая в Московской духовной академии за мое время (1893–1897 гг.) // Хлеб Небесный. Харбин, 1939. № 11. С. 4–7.

³ См.: Журналы заседаний Совета Московской духовной академии за 1898 год. Сергиев Посад, 1899. С. 9–15. В конце 1897 г. Н. Ф. Вознесенский представил кандидатское сочинение «Происхождение и первоначальная история беспоповщины» на 690 страницах, высоко оцененное проф. Н. Ф. Каптеревым.

6. Журналы заседаний Совета Московской духовной академии за 1898 год. Сергиев Посад, 1899.
7. *Иванцов-Платонов А. М., прот.* Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V вв. М., 1881.
8. Канонник или полный молитвослов. СПб.: Домострой, 2001.
9. *Клементьев А. К.* Димитрий (Вознесенский Н. Ф.), архиеп. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 74–77.

**THE MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY
IN THE RECOLLECTIONS OF ITS GRADUATE:
TOWARDS THE 70TH ANNIVERSARY OF PASSING AWAY OF
KHAILAR'S ARCHBISHOP DIMITRY (VOZNESENSKY, 1871–1947)**

The introductory article and publication by Alexander K. Klementiev;
notes by Sergey Yu. Akishin

Abstract

The publication is devoted to the 70th anniversary of passing away of Archbishop Dimitry (Voznesensky), who for many years had been running the Theological Department of St. Vladimir's University in Harbin (Manchuria), one of the two largest Higher Religious Schools of the "Russian diaspora". Archbishop Dimitry is the author of numerous textbooks on the Divine Law and the history of the Church for both high and higher schools, the editor of Orthodox ecclesiastical and public educational editions, an ecclesiastical journalist and an organizer of the active struggle against atheism and godlessness.

Here are the two works of archbishop Dimitry, published in the emigrant journal "The Bread of Heaven" which is now a real bibliographical rarity, to wit, the recollections on the life of the Moscow Theological Academy students and the Homily on the occasion of his nomination for bishop. Both articles reflect vividly the school and scientific atmosphere in one of the oldest educational institutions of Russia, providing a thorough description of the old-school professorate.

Keywords: *archbishop Dimitry (Voznesensky), Metropolitan Philaret (Voznesensky), the Moscow Theological Academy, the Russian Church in Harbin and Manchuria, Orthodox theological education in Russia and in emigration.*

References

1. Bogdanova T. A., Klementiev A. K. Put' Khailarskogo sviatitelia (Ocherk zhizni i trudov protoiereia Nikolaia Feodorovicha Voznesenskogo, protoiereia gorodov Khar'kova, Blagoveshchenska i Kharbina, v monashestve Dimitriia, arkhiepiskopa Khailarskogo, vikariia

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

Kharbinskoi eparkhii) [The way of the Khailarsk Saint. (A sketch on the life and works of archpriest Nikolai Fedorovich Voznesensky, archpriest of the cities of Kharkov, Blagoveshensk and Harbin, monk Dimitry, Khailarsk Archbishop and vicar of the Harbin Eparchy]. *Pravoslavnyi put'* — *The Orthodox way*. Jordanville, 2005, pp. 7–90.

2. Bogdanova T. A., Klementiev A. K. Khailarskii sviatitel' [The Saint of Khailarsk]. *Vestnik Germanskoi eparkhii RPTsZ — Bulletin of the German Eparchy of ROCA (Russian Orthodox Church Abroad)*, 2006, no. 4, pp. 24–27; no. 6, pp. 19–24; 2007, no. 1–2, pp. 19–22; no. 3, pp. 32–36; no. 4, pp. 16–18.

3. Bogdanova T. A., Klementiev A. K. Put' Khailarskogo sviatitelia [The way of the Khailarsk Saint]. *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti — The Saint Petersburg Eparchial Gazette*. Saint-Petersburg, 2009, issue 37–38, pp. 70–149.

4. Dimitrii [Voznesenskii], arkhim. Slovo o[ttsa] arkhimandrita Dimitriia pri narechenii ego vo episkopa Khailarskogo [Speech by archimandrite Dimitry on his nomination for bishop of Khailarsk]. *Khleb nebesnyi — Bread of Heaven*, 1934, no. 7, pp. 14–19.

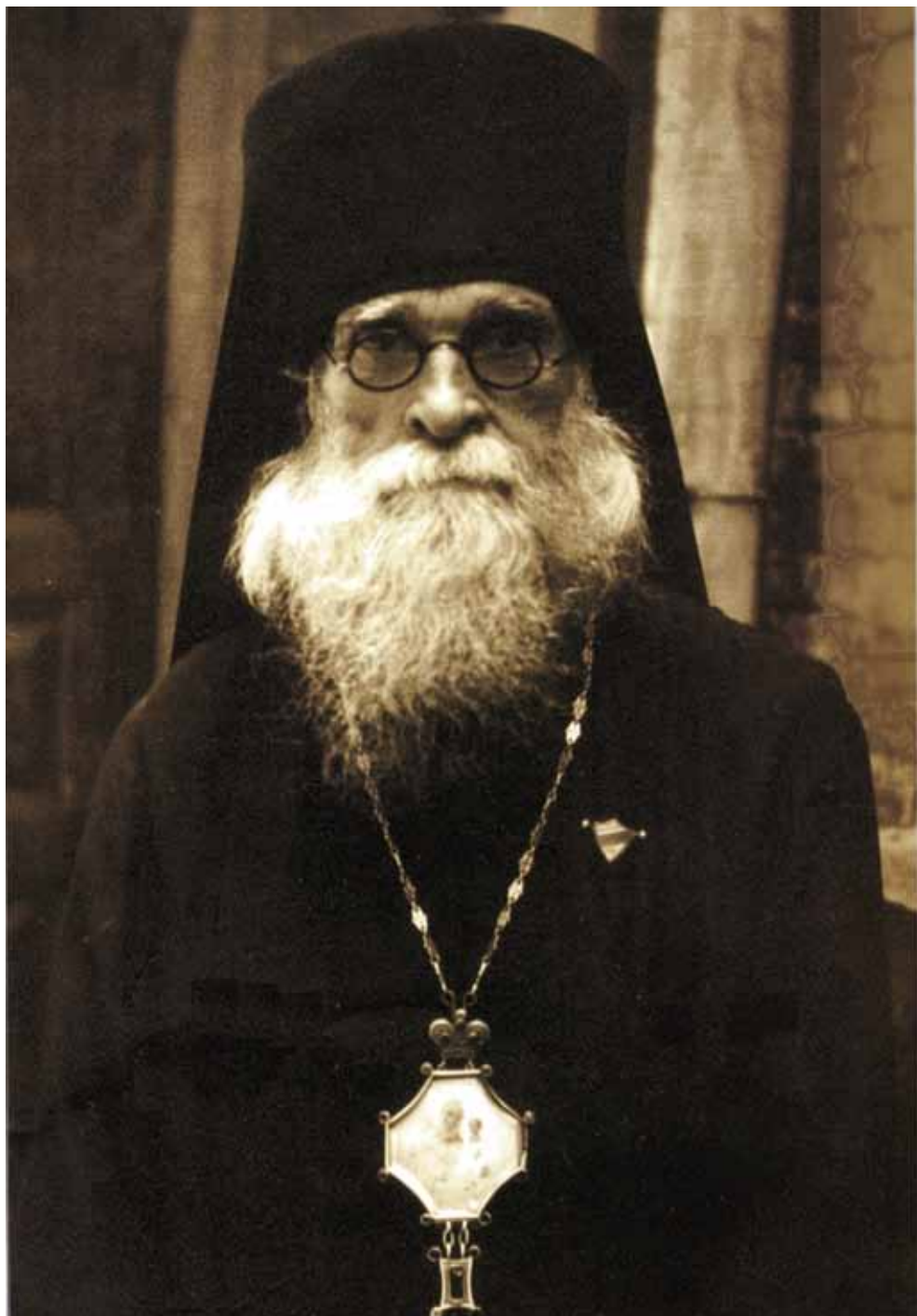
5. Dimitrii [Voznesenskij], ep. Zhizn' studencheskaia v Moskovskoi dukhovnoi akademii za moe vremia (1893–1897 gg.) [Student life in the Moscow Theological Academy in my time (1893–1897)]. *Khleb nebesnyi — Bread of Heaven*. Harbin, 1939, no. 11, pp. 4–7.

6. *Zhurnaly zasedanii Soveta Moskovskoi dukhovnoi akademii za 1898 god* [The Journal of sessions of Moscow Theological Academy Council in 1898]. Sergiev Posad, 1899.

7. Ivantsov-Platonov A. M., prot. *Religioznye dvizheniia na khristianskom Vostoke v IV i V vv.* [Religious movements in the Christian East]. Moscow, 1881.

8. *Kanonnik ili polnyi molitvoslov* [The Canonic or complete Prayer-book]. Saint-Petersburg: Domostroi, 2001.

9. Klementiev A. K. Dimitrij (Voznesenskij N. F.), arkhiep. [Dimitry (Voznesensky N. F.), archbishop]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2007, t. 15, pp. 74–77.

Архиепископ Хайларский Димитрий (Вознесенский). Харбин, 1943 год

1.

Епископ Димитрий [Вознесенский]

**Жизнь студенческая в Московской Духовной Академии
за мое время (1893–1897 гг.)¹**

У каждой из четырех духовных академий был свой, определенный, характер, с очень значительной разницей между ними. Наша Московская академия носила характер по преимуществу историко-философский. Зависело это в значительной степени от профессоров, преподававших соответствующие научные курсы, среди которых стояли такие величины, как Ф. А. Голубинский², В. Д. Кудрявцев-Платонов³, А. И. Введенский⁴, П. П. Соколов⁵ — по предметам философского круга; В. О. Ключевский⁶, Е. Е. Голубинский⁷, А. П. Лебедев⁸ и ряд других, тоже крупных, историков. Но не меньше закреплялся данный тип Московской академии и преобладающими интересами студенчества в их самостоятельных занятиях, особенно же в писании «семестряков» и кандидатских диссертаций.

Нужно заметить, что делу писания письменных работ в нашей академии уделялось особенное внимание, и каждая отметка здесь расценивалась выше, чем в других академиях. И при вступительных экзаменах, и при переходе с курса на курс балл за каждое сочинение брался вчетверо больше, чем отметка за устный ответ (т. е. вместо 5 считалось 20; вместо 4 — 16; вместо 3-х — 12, и т. д.), так что место в разрядном списке и определялось главным образом оценкой этих сочинений. И, может быть, уже поэтому заметное большинство студентов в течение года письменным своим работам отдавало наибольшую долю и труда, и времени. Сказывалось это известным минусом и на регулярных занятиях студентов: перед подачей «семестряков» иль кандидатских многие студенты начинали посещать очередные лекции довольно неисправно; зато в свободное от них время аудитории заполнялись пишущими студентами — со строжайшим запретом всякого шума разговоров, какого-либо стука и т. п.

¹ Текст воспроизводится по изданию: Хлеб Небесный. Харбин, 1939. № 11. С. 4–7.

² Голубинский Федор Александрович (1797–1854), протоиерей — ординарный профессор Московской духовной академии, преподававший философские дисциплины.

³ Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич (1828–1891) — русский религиозный философ, ординарный профессор Московской духовной академии, преемник по кафедре прот. Ф. А. Голубинского.

⁴ Введенский Алексей Иванович (1861–1913) — философ и богослов, заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии, преемник по кафедре В. Д. Кудрявцева-Платонова.

⁵ Соколов Павел Петрович (1863–?) — профессор Московской духовной академии по кафедре психологии.

⁶ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — российский историк, ординарный профессор Московского университета и Московской духовной академии.

⁷ Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912) — заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии.

⁸ Лебедев Алексей Петрович (1845–1908) — заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии.

И должен сказать, что с наибольшей охотой, а нередко — прямо с увлечением, и писались работы именно философского, а за ними — и исторического типа. В то же время это связывалось и с очень большим проявлением самостоятельности и сильного углубления в такого рода темы. К услугам студентов имелись прямо горы соответствующих пособий в академической — большой, двухэтажной — библиотеке со многими десятками тысяч книг, постоянно пополнявшимися новыми поступлениями. И многие студенты обкладывались такими пособиями, чаще — по рекомендации своего профессора или библиотекаря, а писавшие на одну тему нередко обменивались взглядами, а порой горячо спорили между собой по затронутым темам. И получались у многих очень хорошие, даже солидные работы, порой — значительного объема. Я помню, как в академию поступил на 2-й курс г. Братановский (кажется впоследствии епископ[оп] Сильвестр)⁹, только что окончивший перед тем, с каким-то отличием, историко-филологический факультет как будто Московского университета. Он при мне удивлялся объему наших семестряков, и говорил, что там у них и работы для кандидата были не труднее этих семестровых наших сочинений.

Жизнь студенческая протекала у нас тихо и скромно. От своей столицы — Москвы — академия находилась в 66 верстах и помещалась в стенах Троице-Сергиевой лавры, и это, конечно, налагало на нее свой отпечаток. Впрочем, от наличного состава монахов лавры студенты в массе стояли далеко: и уклад жизни, и интересы расходились далеко. Больше соприкасались они с окружающим монастырь Посадом, где размещалась почти вся корпорация академии. Посад же, напомилавший собой русский уездный город, жил какой-то своеобразной жизнью, напомилавшей во многом XVII век Московской Руси: больше преобладала в отношениях простота и патриархальность.

С внешней стороны жизнь академическая текла довольно однообразно: ни увлечений обычных, ни каких-либо занятий на стороне ни у кого почти не было. Получая в месяц 3 р[убля] взамен чая, сахара и булки, в Москву на эти деньги не разъеდიшься (sic!). Обычные послеобеденные прогулки по линии за город, да зимой — скромный студенческий каток за стенами монастыря — вот и все почти ежедневное тогдашнее времяпровождение наше в свободную пору. Зато все это и сближало студентов между собою, и больше давало простору и для бесед, и для чтения. Удаленные, к счастью, от начинавшей уже бурлить университетской молодежи и не принимавшие участия во всяких протестах и других движениях ее, к коим большинство академистов относилось скептически и не сочувственно, студенты наши все же довольно близко следили за всею жизнью интеллигенции столичной — главным образом благодаря своей студенческой библиотеке-читальне, где широко была представлена вся повременная литература. Начальство, в особенности о[тец] ректор арх[имандрит] Антоний (Храповицкий)¹⁰ запрета на светские толстые журналы, почти сплошь либерального типа, не налагало, считая необходимым, чтобы будущие пастыри и вообще церковные работники были в курсе жизни руководящих слоев общества, дабы потом лучше давать отпор заблуждениям их. И трезвость мысли в этом отношении сохранялась

⁹ Сильвестр (Братановский Александр Алексеевич; 1871–1932) — епископ Русской Православной Церкви, архиепископ Калужский и Боровский.

¹⁰ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936) — митрополит Киевский и Галицкий, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

в то время у подавляющего большинства в нашей среде, хотя все же многие и многие охотнее читали «Русские ведомости»¹¹ (либеральную газету), нежели «Ведомости московские»¹², следя, впрочем, и за ними. Большим событием в академической жизни были диспуты при защите магистерских диссертаций, каковые пропускались тогда при очень повышенных требованиях к ним. Заслушивались, бывало, речами таких оппонентов, как Вас[илий] Осип[ович] Ключевский, П. И. Горский-Платонов¹³, Н. А. Заозерский¹⁴, С. С. Глаголев¹⁵, и особенно — сам о[тец] ректор архим[андрит] Антоний, всегда находивший сказать что-нибудь не только научно, но и жизненно интересное, и широко проводивший свою линию — борьбы против схоластики и западного юри-дизма в богословии, как и удаления от писаний св[ятых] отцов. И этими диспутами и лекциями ряда солидных профессоров, всю жизнь свою целиком отдававших науке, в очах большинства студентов создавался прямой культ ее, хотя, конечно, не без свойственных широкой русской натуре перегибов и пересолов. Большим грехом у очень значительной части студенчества, частью же — у профессоров (особенно молодых), являлось слишком большое увлечение западной богословской, в широком объеме слова, литературой — то католической, то протестантской. Это замечалось даже у такого серьезного ученого, как А. П. Лебедев, у которого первая его магистерская диссертация (о Вселенских Соборах) даже не была удостоена степени магистра (в то время как обстоятельный критик его проф. Иванцов-Платонов¹⁶ получил эту степень за свой, объективно-ценный, разбор его диссертации). Большое смущение вызывал также, особенно вне стен академии, и другой наш выдающийся церковный историк — Е. Е. Голубинский. Правда, его в особом преклонении пред инославной соответствующей литературой никто не упрекал. Претенциозные насюки католических ученых он отводил обоснованно и твердо. Но уж слишком далеко заходила его критика, его радикальный пересмотр и переделка установившихся в предании и церковно-исторической науке положений и взглядов, — и этот его гиперкритицизм многим представлялся разьедающим и лишь отводящим от истины.

Однако при всех таких минусах — и в профессуре, и в студенчестве — особенной беды для дела академического образования не получалось. И, во 1-х, нельзя отрицать того, что западноевропейская наука, насчитывающая в своем прошлом на целые столетия за собой больше, чем народившаяся лишь в новое время (гл[авным] обр[азом] с XVIII века) наука русская, имела в своем общем складе очень много приобретений серьезных, основательных, действительно научно-состоятельных, и, конечно,

¹¹ Газета издавалась в Москве с 1863 по 1918 гг.

¹² «Московские ведомости» — газета, издававшаяся в Москве с 1756 по 1917 гг.

¹³ Горский-Платонов Павел Иванович (1835–1904) — библист, заслуженный экстраординарный профессор Московской духовной академии.

¹⁴ Заозерский Николай Александрович (1851–1919) — канонист, историк Церкви, заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии.

¹⁵ Глаголев Сергей Сергеевич (1865–1937) — историк религии, заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии.

¹⁶ Иванцов-Платонов Александр Михайлович (1835?–1894), протоиерей — историк Церкви, ординарный профессор Московского университета. Речь идет о работе: *Иванцов-Платонов А. М., прот.* Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V вв. М., 1881.

и в богословских сферах так же трудно было обойтись без справок у крупных ученых XVII или XVIII–XIX веков, как в области философии — у таких величин, как Бэкон¹⁷, Лейбниц¹⁸ или Кант¹⁹. Далее: каких-либо особо «завиральных идей» и у самих наших «западников» в то время не было, а преходящие преувеличения или односторонности во взглядах вреда большого не приносили, да обычно — с годами и сглаживались. А главное: какого-либо сознательного лукавства и выведения своей выгодной линии как будто ни у кого не замечалось. Субъективная честность в сфере мысли заставляла снисходительно смотреть и на самих заблуждающихся, тем более — увлекающихся юношески, и нередко — по добрым побуждениям. «Правда научная» — вот то знамя, под которое становилась, можно сказать, вся академическая масса, — *nil (nihil), nisi veritas* — «ничего, кроме истины», по выражению древнего историка. И в частности, что касается проф. Голубинского, то общий тон его исследований, его явная неподкупная научная добросовестность и подавляющая эрудиция несомненно оказывали самое благотворное влияние на тех, кто внимательно его слушал или читал. Критика же его и отрицания лишь заставляли глубже и внимательней вникать в положительные данные в пользу установившихся наших верований и воззрений, а в то же время привлекали к себе внимание только узкого круга специалистов.

Огромное влияние на добрую половину студенчества имела личность незабвенного тогдашнего нашего о[тца] ректора, о[тца] архимандрита Антония — будущего духовного главы всей русской эмиграции. С первого же приема приехавших держать вступительный экзамен студентов он поражал нас необыкновенной простотой, доступностью и сердечностью обращения с каждым. То был — не начальник (коих мы тогда навыкли отчужденно — бояться), даже не отец, а — старший брат и друг — добрейший, душой тобою интересовавшийся, и в то же время — являвший в себе привлекательнейший опыт подлинно-христианской жизни и не гаснувшего горения духа. Как живые, встают и теперь, больше чем через сорок лет, дивные его чаепития: на редкость простые и задушевные, захватывавшие в полон любое не очерствевшее юношеское сердце, где все скрашивалось его остроумнейшею и бодро-живою, а в то же время — всегда идейно-содержательною беседою, властно вводившею всех, сидевших в застолье, в круг интересов высоко-церковных, особенно — пастырского типа.

Любовались, бывало, мы его проповедями, всегда содержательными, но чаще раскрывавшими излюбленные его темы — о покаянии и возрождении, о том же пастырстве и деятельности общественного типа, о замене юридического подхода в объяснении истины искупления — святоотеческим нравственно-подвижническим освещением дела спасения человека. Живой струей лилась всегда речь нашего отца ректора, всегда — литературно чистая, типа явной импровизации, необычайно широкого кругозора и все сердце захватывавшей убежденности. Помню еще, как поражен был я, когда в первый раз увидел своего ректора вышедшим смиренно и скромно к амвону читать шестопсалмие: ничего подобного до того я нигде не видел — ни в семинарии, ни в приходах. Помню служение им литургии, когда, особенно с возгласа «Горе имеим сердца»,

¹⁷ Бэкон Фрэнсис (1561–1626) — английский философ и историк.

¹⁸ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) — саксонский философ и математик.

¹⁹ Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ.

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

в горнюю высь забирался он тенором своим, проникновенно, прямо растроганно, порой — сбиваясь с тона, но тем более явно — выражая глубокое чувство своего сердца. Как много и действенно затрагивал этот великий светильник Русского живого Православия в питомцах своих лучшие струны их, чаще еще не пробудившегося, сердца...

Да, великое счастье было для нас — учиться в своей академии, в атмосфере серьезной и воодушевленной научной работы, в дружной и тесной юношеской интеллигентной среде, и имея пред глазами такого руководителя, подлинно — пастыря Христова стада. Да и потом, спустя десятки лет, стоял пред нашими духовными очами, как человек, от природы уже имевший все десять талантов, всю душу свою отдавший Святой Церкви; ученый богослов исключительной широты и глубины, — незабвенный отец ректор Антоний! Да будет же ему подлинно — вечная, вечная память!..

Димитрий, епископ Хайларский

2. Слово о[тца] архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского²⁰

*«Неправду аще узрех
в сердце моем, —
да не услышит мене
Господь» (Пс 65. 18).*

Свойственно кандидатам епископства, а нередко — и священства, осознавать в моменты пред посвящением своим свое недостойнство — пред величием и высотой того служения, на которое они вступают. Отсюда — так обычны и часты указания на это недостойнство и в речах при наречении новопосвящаемых епископов... Но что мне сказать ныне, когда пробегает пред мысленным взором моим вся моя предшествовавшая жизнь, и в ней не вижу я не только каких-либо заслуг или подвигов пред Богом, но и простого добропорядочного поведения рядового православного христианина, — и это уже от дней ранней юности моей. Свидетельствую пред всеми, а наипаче пред ВАМИ, святители-восприемники нового пастырского служения моего, что когда ставлю я себе вопрос: как это вышло, что я, при великом недостойнстве своем, оказался призванным к лику делателей вертограда Христова, то лишь одно объяснение представляется мне здесь понятным для меня и правдоподобным. Значит, нужно было, чтобы в наш век — век немощей и маловерия — и пастырь вышел из той же среды маловерия и немощей духовных, дабы выявлялась в них сила Божия истинно «оскудевающая восполняющая и немощная врачующая». А эту-то и Всемилостивую, и Всесильную Десницу Божественную ощущал и ощущаю я опять-таки от дней ранней юности моей.

Вспоминаю я свое детство — суровое, полное лишений и бедности, особенно — когда умер в 36 лет мой отец, оставив шесть малолетних сирот, а перед смертью дав нам узнать: что значит, когда в доме буквально нет куска хлеба. Но верна поговорка

²⁰ Текст воспроизводится по изданию: Хлеб Небесный. 1934. № 7, 1–31 июля. С. 14–19.

русская: голенький — ох, а над голеньким Бог: все сироты вышли в люди, а мне добрые люди, и поныне поминаемые мной пред Богом, дали возможность получить не только среднее, но и высшее образование. Да и вообще тягость сиротства пала лишь на плечи рано угасшей матери нашей, а нам только дало оно ту закаленность для жизни, при которой не только академическая, но и семинарская обстановка являлась и милостью Божией, и прямым счастьем...

Да, поистине счастливыми, именно — благодетными, проходили тогда все эти школьные годы Московской семинарии, Московской академии, когда, совершенно отгороженный от всяких материальных тягот и забот казною (а точнее — теми свечками, что ставились благочестивою рукой в храмах Божиих), каждый из нас мог свободно и полно отдаваться делу христианского развития и научения своего. Особенно благодарною памятью должен я вспомнить родную Московскую академию, это поистине подлинное горнило чистой христианской науки и редкой добросовестности мысли. Она, руководимая при поступлении моем благодетным и просвещеннейшим своим ректором (ныне митр. Антонием), привила мне и любовь к научной истине, и веру в торжествующую победу чистого христианства над всем, начиная с той же области мысли, ибо наука подлинная — всегда и необходимо за нашу беспримесную Христову веру.

Однако совесть заставляет меня сказать, что сам я и в те годы обучения был далеко не на высоте своего положения и много, слишком много упустил из того, чем бы мог — и должен был — воспользоваться в тех солидных школах. И леность духовная тому мешала, и рожцы жизни, как блудного сына, тянули меня к себе. И я живо помню то острое чувство какого-то сердечного испуга и стыда, когда другой мой ректор, взявший меня преподавателем в свою семинарию, Курский епископ Лаврентий²¹ назвал нас с приятелями моими «бражниками», за это чрезмерное увлечение «утодиями плоти» и усадями, по существу — очень балованной, жизни. И в то же время только отечески пекущаяся и крепкою силою ограждающая Десница Божия удерживала меня в эту пору нравственных шатаний от окончательных и непоправимых падений, — на которые собственная моя, слабая воля уже как будто охотно соглашалась. Помню внезапный, спасительный приезд любимой сестры — в тот момент, когда я уже буквально катился в пропасть, и не удержался бы...

И прежде всего, не могу я иначе, как мистически, благодарною памятью, объяснить себе те *зароки*, которые были даны мною в старшие отроческие годы и о которых нарочитую речь вел я в своей «Христианской жизни». Ибо, конечно, только ангел-хранитель мог внушить мне тогда дать обеты: «не курить, водки не пить и не сквернословить», — которые в последующей моей жизни являлись, можно сказать, главными зацепками при окружавших меня соблазнах.

И вот, в такую-то пору, когда угар внешней жизни совсем затуманивал мое сознание, а преподаваемые мною богословские истины звучали для самого меня чем-то далеким и отвлеченным, приезжает в Курск мой сотоварищ по академии, молодой священник, и приглашает меня к себе в номер гостиницы. И неожиданно заговорили мы с ним «по душам», и он стал делиться со мной тем исключительным духовным наслаждением, которое испытывает он от служения литургии. Незаметно от своих

²¹ Лаврентий (Некрасов Михаил Иванович; 1836–1908), епископ Тульский и Белёвский. Курскую кафедру занимал с 1898 по 1904 г.

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

слов он перешел к одушевленной, огнем чувства горящей дословной передаче молитвы св. Амвросия Медиоланского «пресвитерам, готовящимся к служению святыя литургии»²², — той молитвы, выше которой я ничего не знаю во всей нашей, необъятно-богатой, христианской литературе. — Я заслушался, и знакомый нервным людям холодок пробежал по всему телу. Я сердцем учуял — и, конечно, — не мое это было, а сняла пелену с духовных очей моих животворящая благодать Божия — всю великую правду, всю пренебесную мудрость и силу этих надчеловеческих богословских созерцаний, этого благоговейного восторга, этого глубочайшего, до центров сердца достигающего, умиления. Но ушел я от о. Г. Васютина²³ еще далеким от священнического призвания, а последовавшая года через два женитьба, с обычным влиянием мирских взглядов на минусы рясофорной жизни, еще больше отодвинула меня от самой мысли — стать иереем Бога Всевышнего.

Ощутительный, и довольно быстрый, перелом в этом отношении произошел — и, конечно, опять — не без воли Божией — со мной тогда, когда я, по чисто практическим побуждениям, перешел на два года из духовной в светскую школу: стал преподавателем истории в кадетском корпусе, предмета, который я любил еще в семинарские годы. Но тут-то я и почувствовал, насколько сроднился я с своим христианским образованием, как близко и в самой сущности — интересно мне мое богословие и насколько мало могут мне заменить его и самые популярные гуманитарные знания. Я стал тяготиться и тосковать, и жена сама заговорила о том, что раз меня новая работа не удовлетворяет, то лучше вернуться к прежнему. Но мне прежнее уже предстало — только как полное и, так сказать, — и официальное служение Святой Церкви. Я решил идти во священники, и 26 июня 1905 года был посвящен в Харькове, откуда через 4 года бывшим своим сотоварищем по академии епископом Евгением²⁴ был приглашен настоятелем собора и законоучителем в г. Благовещенск. И я, по условиям своей жизни, хорошо знаю, что это опять была — прямая милость Божия, спасающая мне и жизнь, и введшая меня в более проникновенное и углубленное восприятие своего священнического служения, своих пастырских, а равно и законоучительских обязанностей...

Так незаметно и быстро летит наше время, и вот уже почти 29-летний период этого священнического служения предстоит теперь моему умственному взору — срок, у многих охватывающий всю пору их сознательной жизни и деятельности. А что же, спрашивается, сделано — и сделано — мной за эти долгие годы, данные мне от Господа на это делание в винограднике Его?!..

Увы — прочного и христиански ценного так мало. Правда, во внешнем и в Харькове, и Благовещенске, и здесь как будто нечто Бог и помог устроить, и именно — как священнику Его. И еще — довольно много за все это время я учил и говорил. Да, говорил... Но нельзя не припомнить здесь, как отозвался о таком говоренье нашем преп. Сера-

²² Молитва неоднократно издавалась — см., напр.: Канонник или полный молитвослов. СПб.: Домострой, 2001. С. 516–522.

²³ Васютин Гавриил Яковлевич, священник — кандидат богословия Московской духовной академии (выпуск 1897 г.).

²⁴ Евгений (Бережков Иоанн Николаевич; 1864–1921), епископ Костромской и Галичский. Благовещенскую кафедру занимал с 1909 по 1914 г.

фим²⁵, когда такой же наставник семинарии пришел к нему пред вступлением на церковное учительство свое. От души восхищался проповедями его инок-простоец, приведший его к Преподобному... А св. Серафим охотно и много говорил с этим простодушным иноком — и как бы внимания не обращал на «главного» своего посетителя, конечно — уверенного, что в лице его Церковь большое приобретение получает с пострижением его. И наконец, на новые похвалы ему простеца отец Серафим, как известно, указал, что учить других — так же нетрудно, как камни сносить или сбрасывать с колокольни. А вот самому на деле исполнять то, чему учишь, — так же трудно, как эти камни носить на колокольню. А мы, увы, все на себе оправдываем слово Господне: «глаголют они и не творят»... И совсем не та была бы и сила наших слов, если б мы и глаголяли, и творили...

Так — и об открытии больниц или столовых. Тó велико и ценно, когда устраиваешь — и душу в это влагаешь, весь этому делу отдаешься. А вот когда, как мы, и делаешь — и не делаешь, других зовешь, а сам и руки мало прилагаешь, то по этому «неусердию» твоему пойдет и делание твое. А видимость его — нужна и ценна лишь людям, а не Богу, и даст тебе она лишь славу человеческую, а не Отчую, ту жалкую популярность, о которой сказал Спаситель: «Горе, аще доброе рекут о вас вси человецы»²⁶.

И только революция заставила меня несколько серьезней и ответственной относиться к своему служению и своей работе. Долгое время, как помню, во все эти бурливые первые дни, недели и месяцы я как-то внешне, больше со стороны, относился ко всему, не доверяя и поражаясь не только помутнением народной жизни от всплывших вверх грязных подонков в массах, но и определенным впечатлением всюду — какой-то тяжелой и явно безнадежной игры вместо реального дела, и это — не только у насадителей большевизма. И только 27 февраля 1918 года — кровавая годовщина этой революции — (месяц в месяц, день в день) до глубин душевных потрясла меня, и я полным, разволновавшимся сердцем воспринял ответственность за соблазн и гибель многих «малых сих», ближайшим образом — тех подростков и юнцов, которые избивались тогда на улицах Благовещенска. И с этих пор переживания мои глубже и шире осознались и начали входить в душу мою. И болезнь и страдания родного народа, а за ними и горести и потрясения в самой Церкви, начали восприниматься и живо, и искренно. — И с этих же пор ближе я подошел и к той одушевленной священнической молитве, вершины которой вырисовались мне еще тогда в Курске, в одушевленной передаче отцом Гавриилом дивных мест из молитвы святителя Амвросия Медиоланского.

Но, конечно, — только подошел, и лишь в очень и очень скромной степени. Ибо и здесь «удерживающая вемы». Ибо все те же немощи нравственные, все те же оковы и путы греха и та же великая леность и вялость духовная не пускают и в молитве сердце «горе», потому что слишком привязалось, нет — именно прилипло оно к земле, как и самая мысль все по-прежнему больше любит не «горняя мыслити, а земная». А тут еще эта рассудочность привычная, на которую так жаловался и сам колосс духовной жизни, приснопамятный митр. Филарет²⁷. И охлаждаются от мраза греховного и от на-

²⁵ Речь идет о прп. Серафиме Саровском.

²⁶ Цитирование по памяти фрагмента из Священного Писания; правильно: «Горе, егда добре рекут вам вси человецы» (Лк 6. 26).

²⁷ Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782–1867), свт. — митрополит Московский и Коломенский.

следея страстей плотских и добрые порывы молитвенные, и так поверхностными и краткосрочными становятся и моменты отзывчивости сердечной на исключительные и тяжкие страдания родины, от неверов злодеев плененной, всех тех «скорбящих и страждущих, от враг люте озлобляемых, — в напастех и обстояниях, нуждах и бедах, и угнетении мнозем, гладе, болезнях и лишениях, темничном заключении и заточении сущих братьев наших», о которых должны бы были мы прямо плакать за каждую службу, но о коих обычно молимся мы только одними словами...

И вот, в этот, переживаемый теперь мною, год я снова — на переломе. Уже молодая стремительность моего сына — Филарета²⁸ повлекла меня, двумя годами раньше, к иноческому званию и у самого порога пострижения остановился я тогда, не сумев иль не имев возможности приладить к этому условия своей приходской службы. Но, видно, не созрела во мне тогда эта решимость, и лишь полгода тому назад принес я обеты иноческого отречения, и стал Димитрием вместо Николая, в знаменование того, что должен жить я далее вырванным от мира, что не семья и дети, не сограждане и не самая земная отчизна, а — Божий удел, а Церковь Святая и дело насаждения ею Царствия Божия на земле — вот что должно отныне быть предметом моих трудов и забот, всего устремления моей жизни, — то мой единственный долг, в том и основа и вершина моего служения... А вот сегодня я предстою пред вами, боголюбивейшие архипастыри, чтобы по определению законной власти, а наипаче по зову того же благочестнейшего Владыки, митрополита Антония, вступить мне на новое служение церковное, и перейти из лика руководимых в сонм руководителей, из положения пресвитеров — этих рук епископских — встать на положение главы их — в священном звании преемника апостольского — епископа. И вспоминается мне, как и естественно, не так давно умерший младший земляк мой, приснопамятный епископ сего же края — Иона²⁹, сумевший в три года развернуться из скромного церковного работника в великое и яркое светило, за что удостоен был он от Господа истинно христианской, блаженной кончины и удостоверен был в этом неоспоримым чудотворением в ночь самой смерти своей. Пред лицом этой своей смерти он свидетельствовал, что и пришел он к своей пастве, и распростился с нею с словом любви христианской. И было слово его — и делом его, выявляясь подвигами деятельного попечения о благе нуждающегося ближнего на основе аскетического личного самоотречения. И знаем все мы, что это и есть — самое главное.

И знаем так же хорошо все мы, когда и как поставил Небесный Пастыреначальник такую любовь основным условием Своего Христова пастырства. То был такой многообъясняющий, не только лично, но и всецерковно, важный момент в жизни первоверховного апостола. Всего за каких-нибудь две — три недели до того этот Петр самоуверенно и дерзновенно вызвался на преимущественный пред всеми подвиг исповедничества и верности своему Божественному Учителю — до темницы и до смерти. И не устоял, и отрекся — паче всех других апостолов (особенно же паче кроткого и смиреннейшего Иоанна). И это всем нам так близко и так понятно. Ведь Петр говорил

²⁸ Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич; 1903–1985) — митрополит Нью-Йоркский и Восточноамериканский, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

²⁹ Иона (Покровский Владимир Ильич; 1888–1925), свт. — епископ Ханькоуский, викарий Пекинской епархии.

тогда всею возможною для человека искренностью и убежденностью, всем доступным естественному человеку порывом крепчайшей веры и любви, преданности до самопожертвования. Но он тогда был только именно естественный, невозрожденный духовно, грешный человек, отравленный смертоносным наследием адамовым в основах природы. А оттого и не выдержал он огненного испытания этой веры и любви, — и забылся, и отшатнулся в момент требования исключительной верности судимому Учителю, изменил Ему и до того, чтоб и поклясться даже, что и не знает Его, — Того, с Которым только что обещал и жить и умереть...

Но субъективный грех Петра субъективным раскаянием его, горячими его слезами омылся и был как бы вычерпан. Требовалось восстановить его и объективно — в том звании, которого он чрез отречение лишился, от которого он там, во дворе Каиафы, отпал. И вот Господь троекратным засвидетельствованием от него верности и любви и Своим троекратным же «паси» и возвращает его в оставленный им апостольский чин³⁰. И эта логика установилась после того вековечным законом Христовой Церкви: если так любишь — паси... И возлюбил так и пылкий и стремительный, сердце Христу отдавший, незабвенный епископ Иона — и многоплодно упас, и к заслуженному венцу течение скончал, и скончав в мале, исполнил лета многа, — куда большие лета, чем мы, служившие и по 20, по 30 лет.

Знаем, далее, мы и то, что эта Христова любовь, как и все в благодатной Церкви Его, и *приобретается*, как бы добывается человеком, подвигом свободно-усердных усилий его, но также и *дается* от Единого Источника духовной силы и жизни — Духа Святого, Утешителя, и прежде и больше дается, чем приобретается нами. — Прошу же вас, Святители Христовы, благодатию Его по преемству освященные: прошу и молю: молитесь обо мне, недостойном, чтобы дал и мне Владыка Любвеобильный сей пламенный и неиссякаемый огонь любви Своей, а в ней и с ней — и деятельное служение, в немощех — Христом сильное, братьям моим и будущим, во Христе же возлюбленным, чадам моим. Также прошу я вас молить Спаса Христа о даровании мне помощи и укреплении меня в достойном и посильно-усердном прохождении и взятого мной на себя иноческого звания моего, которое Преданием церковным сделалось духовно-необходимым условием для достодожного прохождения служения архипастырского. От лет давних приучил я себя (как советовал и духовным чадам моим) обращаться к Господу при всяких всплесках горделивого чувства, соблазнах самодовольства и самолюбования, столь свойственных и нам, работникам на ниве Христовой, с словами: в правде и смирении сердце мое соблюди. И свидетельствую, что это мне самому много помогало, так как не только внедряло в мыслях и в сердце смиренное сознание того, что безусловно нечем гордиться каждому из нас, но и отражалось в жизни исполнением псаломских слов, — что «сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит»³¹. Теперь же пред вами даю свой обет: всегда в подобных случаях добавлять — «и в иноческом самоотречении сердце мое утверди»... И да поможет мне и в этом Господь, Отечески-попечительный и Всесильный, как помогал и сохранял меня в дни юности и мужества

³⁰ Владыка Димитрий пересказывает здесь историю отречения и раскаяния апостола Петра — см.: Мф 26. 69–75; Мк 14. 66–72; Лк 22. 55–62; Ин 18. 15–18, 18. 25–27, 21. 15–17.

³¹ Цитата из Пс 50. 19.

К 70-летию преставления Хайларского архиепископа Димитрия (Вознесенского)

моего. Вас же еще и еще прошу и молю: помолитесь обо мне вашими архипастырскими, благодатствованными молитвами, да ниспослет мне Господь благодать Духа Святого Своего, истинно всеоживляющую и всепокрывающую милостью и силою духовною. Уже 63 года исполнилось мне, и только этою благодатною силою живу и сохраняюсь я. Да даст же Владыка жизни моей в апостольски преданном таинстве Своем, чрез возложение святительских рук ваших и архипастырскую молитву вашу сию преизобильную благодать, да немощная моя уврачуется она и оскудевающая восполнит³².

Аминь.

³² Парафраз т. н. «молитвы посвящения», произносимой во время рукоположения во все степени церковной иерархии. Исходный текст звучит следующим образом: «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи, проручествует (имя), боголюбнейшаго архимандрита во епископа: помолимся убо о нем, да придет на него благодать Всесвятаго Духа».